ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XCVI

1904

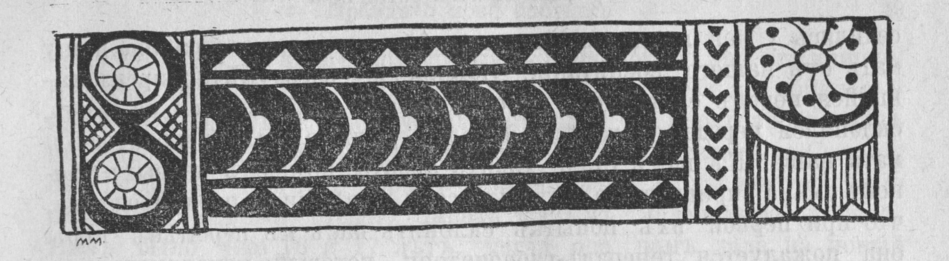
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1904

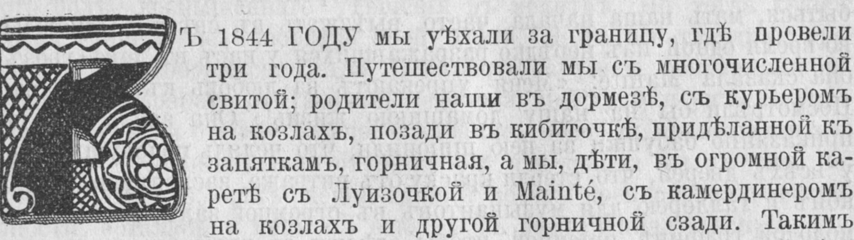

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

X.

Графиня Екатерина Петровна Ростопчина, какъ воспитательница.

ВЪ 1844 ГОДУ мы уѣхали за границу, гдѣ провели три года. Путешествовали мы съ многочисленной свитой; родители наши въ дормезѣ, съ курьеромъ на козлахъ, позади въ кибиточкѣ, придѣланной къ запяткамъ, горничная, а мы, дѣти, въ огромной каретѣ съ Луизочкой и Mainté, съ камердинеромъ на козлахъ и другой горничной сзади. Такимъ образомъ объѣздили мы всю Италію, часть Швейцаріи и Францію, провели одну зиму въ Римѣ, двѣ въ Парижѣ и вернулись въ Россію осенью 1847 года. Путешествіе это стоило нашему отцу два милліона рублей, но зато мы выучились бойко говорить по-французски и по-итальянски, и совсѣмъ забыли русскій языкъ. Это прискорбное обстоятельство очень обрадовало бабушку: судьба привела насъ именно въ такое положеніе, въ которомъ она и сама находилась, переходя въ католичество; при незнаніи русскаго и славянскаго языковъ ходить въ церковь не было цѣли. Какая благодарная почва для насажденія католичества! Яростно принялась бабушка за этотъ священный трудъ. Я сказала выше, что мы по-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCV, стр. 864.

селились у нея въ домѣ. Начала она съ того, что отстранила нашу мать отъ нашего воспитанія. Покорный сынъ, вѣчно преклонявшійся передъ ея волей и одной только ея и боявшійся на свѣтѣ, склонился передъ ея желѣзной волей. Должна была покориться и мать наша. Къ намъ стали ходить аббаты, но послѣ первыхъ уроковъ мама приглашала ихъ къ себѣ и вѣжливо предупреждала, что при первой ихъ попыткѣ склонять насъ къ перемѣнѣ вѣры она пожалуется генералъ-губернатору, который немедленно вышлетъ ихъ за границу въ сопровожденіи жандарма. Оскорбленные аббаты отретировались. Ихъ замѣнили свѣтскими личностями: этимъ мать наша грозила Сибирью; сбѣжали отъ насъ и они. Пришлось обратиться къ женскому полу. Нахлынули френцуженки. Чѣмъ удалось нашей матери напугать разныхъ Бобелинъ, съ перваго же урока принимавшихся за пропаганду, не знаю, но и онѣ перешли Березину. Я помню, какъ послѣдняя изъ нихъ, настоящій гренадеръ, вбѣжала къ бабушкѣ, вся раскраснѣвшись отъ злости, и закричала: «Ваша невѣстка—извергъ!» Бабушка увлекла ее съ собою въ молельню, гдѣ онѣ, вѣроятно, помолились за спасеніе нашихъ грѣшныхъ душъ, спасти которыя земными средствами оказалось невозможнымъ. Мать наша неоднократно заставляла насъ клясться, что мы ни за что не измѣнимъ православной вѣрѣ. Да будетъ она благословенна за это!

Понятно, какою глубокою ненавистью возненавидѣла ярая фанатичка женщину, хотя и покорную и почтительную къ ней, но которая неуклонно исполняла свой материнскій долгъ! Чтобы забыться, мать наша начала часто выѣзжать въ свѣтъ. Однажды, во время одной изъ нерѣдко разражавшихся у насъ въ домѣ грозъ, она сказала Mainté: «Меня упрекаютъ за любовь къ выѣздамъ! Посмотрѣли бы на нашу домашнюю жизнь!» Она знала, что по приказанію бабушки за нею шпіонили, что челядь подслушиваетъ у всѣхъ дверей, что стерли краску отъ витража, заслонявшаго балконъ и галлерею для музыкантовъ въ огромной залѣ, служившей молодой графинѣ пріемной, чтобы слѣдить за каждымъ ея движеніемъ и доносить бабушкѣ каждое ея слово. Все, что дѣлала молодая графиня, докладывалось старой: кого она принимала, до котораго часу у нея сидѣли. Сама же благочестивая старица ложилась въ девять часовъ вечера. И доносить было что: мать наша, умная и разговорчивая, нерѣдко засиживалась съ гостями поздно, и въ этомъ препятствовать ей не могли, но зато, зная, чѣмъ можно ее больно уязвить, не щадили насъ.

Не считаю нужнымъ много распространяться о нашей дѣтской жизни, скажу только, что до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить это время. Бабушка не только насъ не любила, она насъ ненавидѣла. Никогда не называла она насъ по имени: мы съ сестрой были для нея «мамзели», а братъ нашъ «мсье». И надо

было слышать, съ какимъ презрѣніемъ произносила она эти клички! Никогда не ласкала она насъ. Когда мы почтительно прикладывались къ ея рукѣ, она пускала поцѣлуй въ пространство надъ нашими склоненными головами. Другимъ своимъ внукамъ, де-Сегюръ, она посылала ящиками дорогіе подарки, намъ же дарила грошевыя игрушки, которыя стыдно давать самымъ маленькимъ дѣтямъ. Намъ было уже 16 и 17 лѣтъ, когда она намъ дала на новый годъ по деревянной тарелочкѣ, съ накленными на нихъ грубо намалеванными фруктами.

Мы росли въ страхѣ и трепетѣ, не понимая, что вокругъ насъ творилось, но смутно сознавая чуткимъ юношескимъ сердцемъ, что атмосфера холода и отсутствія любви, окружающая насъ,— явленіе ненормальное. Сравненій мы дѣлать не могли, никого изъ постороннихъ мы не знали, ни съ какими чужими дѣтьми не были знакомы, бабушка этого не допускала. Иногда насъ водили въ церковь въ нашъ приходъ, гдѣ мы ничего не понимали, конфузились и страдали.

Мы одичали и сдѣлались пугливы. Правда, въ Вороновѣ, гдѣ мы проводили лѣто, намъ предоставляли больше свободы. Я часто убѣгала въ паркъ, въ чудный старый садъ, гдѣ четыре аллеи трехсотлѣтнихъ липовыхъ деревьевъ, напоминающихъ сады эпохи Людовика XIV, повторялись на двухъ площадяхъ. Тутъ научилась я любить природу; она сдѣлалась моею единственною отрадою, пока смерть обожаемой матери не научила меня искать другого болѣе возвышеннаго утѣшенія въ молитвѣ. Но тогда храмъ Божій ничего не говорилъ моей душѣ. Намъ все твердили про папу и про соборъ св. Петра. Ненависть бабушки, основанная на почвѣ религіознаго отчужденія, леденила мнѣ душу и умъ. Я увѣрена, что, если бы мы дольше оставались подъ ея нравственнымъ гнетомъ, я окончательно отупѣла бы или сошла бы съ ума. Во всякомъ случаѣ, какъ неизгладимая печать моей страдальческой юности, осталась у меня на всю жизнь болѣзненная воспріимчивость нервной системы. Никто, мнѣ кажется, не страдалъ такъ сильно нравственно и физически, какъ я. Не будь у меня крѣпкаго тѣлосложенія и поздно развившейся силы воли, сложившейся подъ ударами судьбы, я осталась бы на всю жизнь нравственной калѣкой.

Къ счастью, когда старшей моей сестрѣ минуло одиннадцать лѣтъ, мать наша наконецъ возстала противъ деспотизма свекрови и объявила мужу, что продолжать такую жизнь невозможно, что мы давно достигли тѣхъ лѣтъ, когда дѣти знаютъ Законъ Божій и приступаютъ къ Святому Причастію сознательно, послѣ исповѣди.

Отецъ согласился съ ея доводами и рѣшился разстаться съ матерью. Онъ купилъ далеко отъ Басманной, на Садовой, почти у Вдовьяго дома, противъ церкви Ермолая, огромный домъ Небольсина

съ большимъ садомъ, перестроилъ и отдѣлалъ его по царски, отдавъ весь верхній этажъ подъ картинную галлерею и библіотеку... Тутъ для насъ наняли учителей англійскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ; православный священникъ вошелъ наконецъ въ нашъ заколдованный кругъ, и мы были спасены. Но бабушка поклялась при первой возможности отомстить невѣсткѣ за этотъ подвигъ и сдержала свое слово. Когда разстройство дѣлъ нашего отца стало доходить до разоренія, мать наша смирилась и, познакомивъ свекровь съ положеніемъ дѣлъ, стала умолять ее оставить имѣніе Вороново намъ, троимъ дѣтямъ ея сына, а не ему, но бабушка наотрѣзъ отказалась исполнить ея просьбу.

— Да вѣдь Андрей все истратитъ, онъ не вмѣняемъ, все пойдетъ прахомъ, и дѣти наши будутъ въ нищетѣ! —умоляла наша мать.

Бабушка выпрямилась, злая усмѣшка заиграла на ея губахъ, и она холодно возразила:

— Тѣмъ лучше, это послужитъ къ спасенію ихъ душъ.

И, осудивъ насъ такимъ образомъ на вѣчную нужду, спокойно продолжала она прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Если не католиками, то хоть нищими надѣялась она втолкнуть насъ въ царство небесное.

Понявъ безполезность всякихъ попытокъ умилостивить это каменное сердце, мама написала всеподданнѣйшее прошеніе государю, въ которомъ просила наложить опеку на отцовское состояніе; призвала насъ къ себѣ и, прочитавъ намъ эту бумагу, сказала:

— Я вышла замужъ безъ приданаго и не имѣю въ этомъ дѣлѣ права голоса, но, какъ мать, обязана о васъ радѣть. Мѣра, на которую я рѣшаюсь, постыдна, но другого способа сохранить вамъ кусокъ хлѣба я не вижу.

— Рвите письмо, мама!—закричали мы въ одинъ голосъ, и она его разорвала. Намъ было тогда пятнадцать, четырнадцать и тринадцать лѣтъ.

Разумно ли поступала мать, спрашивая наше мнѣніе? Что могли мы тогда понимать? Впослѣдствіи горькій опытъ заставилъ меня убѣдиться, что даже и для спокойствія нашего отца было бы лучше, если бы хотя четырнадцатая часть Вороновскаго имѣнія попала въ мои и сестрины руки, не случилось бы тогда того, что отравило послѣдніе годы его жизни. Несчастіемъ этимъ онъ тоже обязанъ своей матери. Наша же мать съ раннихъ лѣтъ приготовила насъ ко всѣмъ превратностямъ судьбы, и я за это благословляю ея память.

XI.

Графиня Екатерина Петровна, какъ помѣщица.

Приступаю теперь къ печальнѣйшимъ и возмутительнѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Если я питаю такое благоговѣйное чувство къ памяти императора Александра II, то главнымъ образомъ за то, что онъ былъ Царемъ-Освободителемъ. Онъ вывелъ изъ темницы душу русскаго раба. Онъ спасъ его тѣло отъ унизительныхъ побоевъ. Онъ отстранилъ отъ него насиліе, несправедливость, жестокость, поруганіе, онъ вторично сдѣлалъ изъ него человѣка. Да будетъ имя Его благословенно вовѣки! Не могу безъ слезъ вспомнить радостное чувство, охватившее меня въ незабвенное утро 19-го февраля 1861 года. Какъ радостно крестилась я, повторяя: «Свобода! свобода! Они свободны! Свободны любить, вѣнчаться, двигаться, уходить, куда захотятъ, они теперь, какъ птицы небесныя. Царское слово вывело ихъ на свѣтъ Божій. То страшное, грозное, несправедливое, что тяготѣло надъ ними, болѣе не существуетъ. Русскій Божій человѣкъ, ты долженъ теперь кланяться Одному лишь Богу и царю!» Мы поѣхали въ Казанскій соборъ. Мнѣ хотѣлось обнять каждаго мужика и сказать ему: «Братъ мой, отнынѣ ты мнѣ братъ не только по человѣчеству, но и по закону!»

Графиня Екатерина Петровна получила Вороново отъ мужа. Сколько именно было въ этомъ имѣніи десятинъ земли, я не помню, но знаю, что оно состояло изъ болѣе чѣмъ двухъ тысячъ душъ, и что отъ Вороновскаго дома до дальняго села Могутова было не менѣе десяти верстъ разстоянія. Каждое лѣто мы ѣздили туда раза два пикникомъ и, выѣхавъ чуть свѣтъ, доѣзжали только къ завтраку. Дорога шла все лѣсомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я стала себя помнить, имѣніемъ управлялъ бывшій мужикъ, Тимоѳей. Это былъ высокій, атлетическаго сложенія человѣкъ, наводившій ужасъ на всю подвластную ему окрестность. Какимъ образомъ добился онъ довѣрія бабушки,— не могу понять, но довѣріемъ этимъ онъ пользовался безгранично. Со смѣтливостью, присущей русскому крестьянину, догадался онъ, вѣроятно, какъ глубоко презираетъ и ненавидитъ бабушка «грубый и пьяный» русскій народъ, поганыхъ схизматиковъ, обреченныхъ на вѣчную геенну, и онъ нагло игралъ на этихъ гнусныхъ струнахъ, натянутыхъ руками іезуитовъ. Бабушкѣ было особенно ненавистно пьянство. По ея мнѣнію, пьяницъ слѣдуетъ стереть съ лица земли, и всѣ они, безъ исключенія, достойны были кнута и Сибири. Когда она пріѣзжала въ Вороново, и къ ней приходили «молодые» на поклонъ, она выходила на крыльцо и грозно спрашивала: «А что вы пили на свадьбѣ?» Наученные

горькимъ опытомъ, новобрачные отвѣчали, низко кланяясь: «Шалфей, матушка ваше сіятельство, шалфей и ромашку». — «Хорошо, смотрите у меня, водки пить не смѣть! Это дьявольское навожденіе, отъ него непремѣнно попадете въ адъ!» И довольная своею проповѣдью, она приказывала угостить молодыхъ ромашкой. Можетъ быть, для молодицъ это бывало иногда кстати, но мужской полъ проглатывалъ барское угощеніе весьма неохотно, вѣроятно, находя про себя, что спасеніе души солоно дается.

Разъ какъ-то бабушка отправилась гулять въ село. Это было цѣлое событіе, она всегда гуляла только въ саду, вѣчно окруженная чадами и домочадцами. Направилась она черезъ мостъ и прудъ, прямо къ кабаку. Идемъ мы за нею съ нашею собственною свитою гувернантокъ и гувернеровъ и видимъ, что изъ кабака бѣжитъ молодой парень съ бутылкой въ рукѣ. Мы отчаянно ему замахали. Онъ понялъ, снялъ шапку одной рукой, а другую съ предательской посудиной заложилъ за спину. Бабушка передъ нимъ остановилась:—«Кто ты какой?»—Онъ себя назвалъ.—«А водку пьешь?»—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отродясь не пилъ». И несчастный побожился —«Что же вы пьете по праздникамъ?»—«Извѣстно что, когда ромашку, когда бузину, либо шалфей».—«Это хорошо. Знай, что если станешь пить водку, дьяволъ потащитъ тебя въ адъ». — «Какъ не знать, ваше сіятельство. Шутъ его дери, лѣшаго».

Довольная бабушка величественно удалилась, а парень, котораго она удостоила своимъ милостивымъ вниманіемъ, шелъ, пятясь назадъ, пока мы его не окружили и не дали ему возможности улепетнуть въ ближайшій домъ.

Увы, не всегда такъ отдѣлывались отъ бѣды бѣдные вороновскіе крестьяне! Во время другой нашей прогулки, въ свитѣ нашей грозной властительницы, но ужъ на этотъ разъ по парку, въ аллеѣ душистыхъ липъ къ намъ бросилась женщина, вся изодранная, въ крови, и упала къ бабушкинымъ ногамъ. За нею гнались конюхи. Несчастную сѣкли въ конюшнѣ по приказанію Тимоѳея, она вырвалась изъ тиранившихъ ее рукъ и кинулась къ барынѣ, вопя о прощеніи. Стали просить за нее и мы, мать наша, отецъ, и все напрасно. Узнавъ, что ее наказывали за пьянство, бабушка, махнувъ рукой, отвернулась, несчастную подхватили и повели досѣкать. Она оказалась беременной...

Боже мой! Это дѣлалось, я это видѣла и слышала!..

Помню, что остальная часть гулянья прошла въ глубокомъ молчаніи. Мы вернулись домой въ слезахъ и въ негодованіи. А вскорѣ пришла къ мамѣ и несчастная жертва Тимоѳея. Была ли она дѣйствительно виновна въ пьянствѣ,—неизвѣстно. Мы только видѣли, какъ мать наша съ Mainté накладывали компрессы на ея окровавленную, покрытую глубокими рубцами, спину. Впослѣд-

ствіи мы узнали, что Тимоѳей развращалъ приглянувшихся ему женщинъ и тиранилъ отцовъ и мужей, возстававшихъ противъ его насилія. Все это наконецъ дошло до свѣдѣнія начальства, и графъ Закревскій, московскій генералъ-губернаторъ, принялъ мѣры для обузданія католички помѣщицы, такъ мало принимавшей въ расчетъ благополучіе своихъ схизматиковъ рабовъ. Если бъ это были поляки, тогда дѣло другое! У бабушки отняли управленіе имѣніемъ и передали его ея сыну, нашему отцу. Я помню, съ какою радостью крестьяне приняли это рѣшеніе, и какъ они ликовали при мысли объ избавленіи отъ изверга Тимоѳея.

Про этого достойнаго сподвижника графини Екатерины Петровны я должна разсказать слѣдующее. Пути Господни неисповѣдимы: награбленное имъ богатство пошло прахомъ, и подъ старость ему пришлось надѣть на плечи котомку съ краснымъ товаромъ и ходить продавать его по Россіи. Такъ дошелъ онъ до Сибири и тутъ въ лѣсу былъ ограбленъ и убитъ. Тѣло его было найдено уже разложившимся и изуродованнымъ. Я помню, какъ однажды, нѣсколько лѣтъ послѣ смерти бабушки, во время нашего посѣщенія села Могутова, везшій насъ кучеръ, красавецъ Павелъ, указывая на старое дерево, у котораго остановилась наша бричка, обернувшись къ намъ, сказалъ:

— А вотъ, ваше сіятельство, у этого самаго дерева мы съ отцомъ однажды ночью подкарауливали проклятаго Тимоѳея. У отца было заряженное ружье въ рукахъ, и онъ имъ хотѣлъ убить нашего злодѣя. Да Тимоѳей зналъ, что многимъ поперекъ горла стоитъ и никогда не ѣздилъ по одной и той же дорогѣ. Такъ мы его напрасно и прождали. Я тогда былъ маленькимъ мальчикомъ.

— За что же твой отецъ хотѣлъ его убить? — спросила наша мать.

Павелъ, искоса глянувъ на меня, процѣдилъ сквозь зубы: —

— Такъ... изъ-за сестры...

Я ничего изъ этихъ словъ не поняла, а мать моя больше не разспрашивала.

Когда отцу нашему было поручено управленіе бабушкиными имѣніями, онъ ѣздилъ съ нами по всѣмъ селамъ, и всюду насъ принимали съ хлѣбомъ-солью и со слезами радости. Онъ оправдалъ ихъ довѣріе, обращался съ ними милостиво, дарилъ имъ лѣсъ на постройки и дрова на топливо, павшихъ лошадей и коровъ замѣнялъ своими, выстроилъ имъ больницу, однимъ словомъ заслужилъ ихъ любовь и оставилъ о себѣ добрую память. Когда онъ продалъ имѣніе Голенищеву-Кутузову-Толстому, новый владѣлецъ занялся перестройкой и отдѣлкой дома и не успѣлъ окончить это дѣло, какъ домъ сгорѣлъ до тла. Стали строить новый—опять пожаръ. Пронесся слухъ, что крестьяне изъ любви къ прежнимъ

господамъ поджигаютъ у новыхъ. Толстой продалъ имѣніе графу Шереметеву, который въ свою очередь перепродалъ его графу С... Д... Въ настоящее время оно принадлежитъ его старшей дочери, г-жѣ Сабуровой.

XII.

Домъ на Басманной. — Уединенный образъ жизни. — Дворня. — Выѣздной лакей Ефимъ.—Наше вторичное вторженіе въ заколдованное царство католички.—Попугаи.

Лишившись управленія Вороновымъ, бабушка объявила, что нога ея тамъ больше не будетъ, и съ тѣхъ поръ никуда не выѣзжала изъ своего дома на Басманной. Домъ этотъ, двухъэтажный и очень красивый, съ балконами, террасами, огромнымъ дворомъ и не менѣе обширнымъ садомъ, существуетъ до сихъ поръ въ томъ же видѣ, въ какомъ мы его знали 50 лѣтъ тому назадъ: посреди сада — большая аллея, другая направо, съ круглой площадкой, на которой весной мама принимала гостей. При послѣднемъ моемъ посѣщеніи Москвы я попросила позволенія у теперешнихъ владѣльцевъ осмотрѣть садъ и съ болѣзненно сжатымъ сердцемъ прошлась по этимъ аллеямъ, полнымъ для меня такихъ дорогихъ воспоминаній. Вошла я и въ домъ, хотѣла подняться по лѣстницѣ, но тутъ впечатлѣнія юности нахлынули на меня въ такомъ множествѣ и такъ больно сжали мнѣ сердце, что я не въ силахъ была продолжать мой обзоръ и, къ удивленію сопровождавшаго меня дворника, убѣжала, чтобъ при немъ не разрыдаться.

Противъ сада стоялъ длинный и низкій флигель, гдѣ жилъ управляющій, а въ подвальномъ помѣщеніи ютилась большая дворня. Прямо отъ лѣстницы, направо, была столовая съ двумя окнами на улицу и двумя на дворъ; отъ нея шла длинная анфилада комнатъ, двери которыхъ были всегда отперты настежь, и по которымъ бабушка прохаживалась взадъ и впередъ, по цѣлымъ часамъ, не останавливаясь. За столовой была большая зала, со стѣнами подъ мраморъ, безъ всякихъ украшеній, холодная и неуютная, почти пустая, безъ картинъ на стѣнахъ, безъ лампъ на столахъ, безъ ковровъ, безъ занавѣсей, съ двумя длиннѣйшими диванами, обитыми шерстяною матеріею кофейнаго цвѣта; передъ ними—два стола съ инкрустаціями, деревянные стулья и два мягкихъ кресла рядомъ съ тѣмъ диваномъ, на которомъ лежала бабушка. Четыре кенкета по угламъ и одна лампа освѣщали эту мрачную, вѣющую скукой и холодомъ гостиную, гдѣ протекло столько часовъ моей юности. За этой комнатой, называемой кофейной, по цвѣту мебели, была другая древеснаго цвѣта, съ двумя окнами, съ невысокими шкафами изъ очень красиваго дерева вдоль стѣнъ и съ кроватью бабушки посреди. Кровать была простая,

узкая, какъ подобаетъ смиренной христіанкѣ, съ покрываломъ и занавѣсками изъ шерстяной матеріи темноабрикосоваго цвѣта съ бѣлыми разводами. Распятіе на стѣнѣ служило единственнымъ украшеніемъ этой строго нравственной комнаты. У постели не было ни коврика, ни ночного столика. Четвертою комнатою, замыкавшею анфиладу, былъ кабинетъ съ двумя окнами на улицу и двумя въ садъ. Тутъ обои были нѣсколько посвѣтлѣе и стояло побольше мебели: неизбѣжный диванъ, за нимъ шкафъ у стѣны, со множествомъ ящичковъ, наполненныхъ карандашами, перьями, сургучемъ, бумагой и прочими письменными принадлежностями въ такомъ великомъ множествѣ, что я часто себя спрашивала, когда была ребенкомъ: «не остатки ли это отъ нашествія французовъ въ 1812-мъ году?» Воодушевленная духомъ этой достопамятной эпохи, я разыгрывала роль французовъ и тоже грабила, унося изъ шкафа то карандашикъ, то перочинный ножикъ. Въ послѣдніе годы бабушка совсѣмъ перестала писать и въ шкапъ этотъ не заглядывала. За кабинетомъ слѣдовала узкая туалетная, совсѣмъ просто убранная, за нею двѣ комнаты нашей матери, а дальше комната, которую занялъ отецъ, вернувшись послѣ Крымской кампаніи, во время которой онъ простоялъ съ своей дружиной въ Одессѣ. Почти весь фасадъ на дворъ, между спальней отца и буфетной, занималъ большой залъ подъ бѣлый мраморъ въ два свѣта, съ хорами для оркестра, ибо до бабушки въ домѣ этомъ веселились и танцовали, но наступило время покаянія, и грѣховное зданіе превратилось въ молельню, а хоры въ наблюдательный постъ для строгой, инквизиторской дворни. На антресоляхъ помѣщались дѣвичьи и компаньонки, послѣднія въ канурочкахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой деревянными выкрашенными перегородками. Надъ антресолями, окнами во дворъ, на солнечной сторонѣ, у нашей матери были небольшая спальня, туалетная и комната для горничной, а на улицу выходили наши апартаменты, очень просто, даже бѣдно убранные обитой полосатымъ тикомъ мебелью, полы крашеные. Все это производило тяжелое впечатлѣніе послѣ нашего роскошнаго помѣщенія въ домѣ на Садовой, гдѣ все было устроено съ такимъ изяществомъ и вкусомъ, разукрашено оригиналами картинъ извѣстныхъ художниковъ, драгоцѣнною художественною мебелью и множествомъ вещей и произведеній искусства, вывезенныхъ изъ-за границы такими знатоками, какими были наши родители. Какъ тамъ весело было убѣгать въ библіотеку и въ картинную галлерею, когда отца не было дома, любоваться изваяніями и картинами, заглядывать въ книги въ великолѣпныхъ переплетахъ, останавливаться подолгу передъ портретами историческихъ личностей въ огромныхъ золоченыхъ рамахъ, отражавшихся въ большихъ зеркалахъ, а въ особенности передъ задернутой зеленой занавѣской картиной, изображающей дочь венеціанскаго палача, лежащую на постели (она была натурщицей).

Съ трепетомъ отдергивала я эту занавѣсь, чтобъ преклониться передъ красотой. И послѣ этого роскошнаго дворца, гдѣ все ласкало глазъ, воображеніе и тонкій вкусъ, съ многочисленной дворней, одѣтой въ богатыя ливреи, очутиться въ убогихъ комнатахъ, обставленныхъ хуже тѣхъ, въ которыхъ жили наши горничныя,— какой тяжелый переходъ! И все это могло бы скраситься молодостью съ ея безпечнымъ упованіемъ на будущее, но у насъ не было ни молодости, ни упованій, была тяжелая, грустная и скучная жизнь, съ мимолетными вспышками веселаго забвенія, за которыя приходилось платиться горькими слезами!

Въ этомъ мрачномъ домѣ мы прожили до 1859 года. Надо отдать справедливость бабушкѣ, она была послѣдовательна въ своихъ воззрѣніяхъ: находя роскошь губительной для души, она изгнала ее изъ своего жилища; преслѣдуя насъ за выѣзды въ свѣтъ, она отстранила отъ себя все суетное и веселое. Жила она настоящей затворницей, порвавъ всѣ сношенія съ прежними знакомыми, безъ друзей и пріятелей. Одинъ только разъ въ недѣлю обѣдалъ у нея католическій священникъ, а иногда докторъ Гаазъ или какая нибудь вышедшая замужъ воспитанница.

Про высокую личность д-ра Гааза считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Если ненавистный мнѣ Іосафатъ Кунцевичъ попалъ въ святые, то Гаазъ не могъ быть ему товарищемъ, дѣятельность ихъ была вполнѣ противоположна. Гаазъ проводилъ всю свою жизнь съ несчастными, приговоренными къ ссылкѣ въ Сибирь, которыхъ онъ поддерживалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и окружалъ истинно христіанскимъ попеченіемъ и любовью. Онъ не говорилъ о нихъ иначе, какъ со слезами на глазахъ, въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, и тогда его широкое, обезображенное оспою лицо принимало такое ангельское выраженіе, что безъ умиленія на него невозможно было смотрѣть. Въ пылу разговора, его коротко остриженный рыжій парикъ съѣзжалъ на сторону, голая розоватая голова обнажалась, но никому и въ голову не приходило улыбнуться, такъ велико было благоговѣніе, которое онъ намъ внушалъ. Его тучное и неуклюжее туловище было облечено въ старинный костюмъ: во фракъ съ длинными фалдами, атласный черный кюлотъ, черные чулки и башмаки съ пряжками. Много анекдотовъ ходило про его чисто дѣтскую душевную простоту и пламенную любовь къ несчастнымъ. Одинъ изъ этихъ разсказовъ особенно запечатлѣлся въ моей памяти: часто такъ случалось, что у него не было въ карманѣ болѣе двугривеннаго, и онъ торговался съ извозчикомъ, нанимая его, чтобъ ѣхать на какой нибудь званый обѣдъ, но если въ эту минуту подходилъ къ нему нищій, онъ отдавалъ ему этотъ двугривенный и поспѣшно шелъ пѣшкомъ, куда ему было надо, сопровождаемый руганью обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ возницы.

Никогда не уходилъ онъ отъ бабушки съ пустыми руками, и часто также отецъ нашъ давалъ ему денегъ для его «дѣтей», какъ онъ называлъ осужденныхъ на каторгу. Его знала вся Москва, и многіе вручали ему пособіе на его святое дѣло.

Кромѣ доктора Гааза да католическаго священника изъ церкви св. Людовика, бабушку разъ въ годъ навѣщала дальняя родственница, Настасья Яковлевна Теплова, урожденная Протасова, да проѣздомъ въ деревню наши двоюродные братья, Дмитрій и Анатолій Нарышкины, вотъ и всѣ связи, которыя она сохранила съ міромъ. Когда дворъ пріѣзжалъ въ Москву, она, какъ дама Екатерининскаго ордена, всегда получала приглашеніе къ обѣду во дворецъ и отъ приглашенія этого всегда отказывалась. Жизнь ея протекала скучно и однообразно: обѣдня, молитва, чтеніе духовныхъ книгъ, хожденіе по комнатамъ и выписки изъ благочестивыхъ сочиненій, а также записываніе собственныхъ мыслей и даже разговоровъ. Такимъ образомъ пересылала она внукамъ своимъ, Сегюрамъ, все, что разсказывала намъ изъ священнаго писанія, въ маленькихъ переплетенныхъ книжкахъ, исписанныхъ замѣчательно четкимъ и красивымъ почеркомъ. Но за годъ до смерти она бросила это занятіе. Послѣ обѣда она всегда вязала филейные, въ родѣ кружевныхъ, стихари для аббатовъ, по воскресеньямъ же и по праздникамъ щипала корпію для католической больницы.

Столъ у бабушки былъ самый простой и умѣренный, завтракала она въ 11 часовъ, обѣдала въ четыре, въ восемь подавали уже налитый въ чашки чай съ сухарями. Съ годами вкусъ у нея притупился, аппетитъ сталъ пропадать, и поваръ этимъ пользовался, чтобъ красть и поставлять дурную провизію. Когда мы жили на Садовой, насъ каждое воскресенье возили обѣдать къ бабушкѣ, и насъ тошнило отъ этихъ обѣдовъ. Чтобъ утолить голодъ, насъ, при возвращеніи домой, завозили въ кондитерскую Дубле, гдѣ мы покупали пирожки, которые ѣли дома съ чаемъ и съ холодными кушаньями, оставленными для насъ отъ стола нашихъ родителей. Напрасно отецъ нашъ изобличалъ повара бабушки и журилъ его, у нея въ домѣ всѣ были въ стачкѣ, чтобъ пользоваться ея возрастающею старческою немощью и обкрадывать ее елико возможно. Когда мы опять переѣхали къ ней жить, нашъ поваръ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, готовилъ у нея на кухнѣ, и бабушка говорила сыну:

— Андрей, мой поваръ сталъ дѣлать большіе успѣхи, съ тѣхъ поръ какъ вы у меня живете.

Что за дворня была у нея! Какіе типы! Какіе разбойники! Страшно и стыдно было смотрѣть на ея выѣздного лакея, рыжаго Ефима, вѣчно пьянаго и неумытаго. Но она ихъ держала за душевную красоту, гарантированную аббатами, и такъ свято вѣрила

этой красотѣ, что ничѣмъ невозможно было ее разубѣдить. Природное упорство застилало ей глаза. Однажды нашъ выѣздной заболѣлъ, и нашей матери случилось воспользоваться услугами Ефима; вернувшись домой, она объявила, что надъ ея новымъ лакеемъ такъ вездѣ смѣялись, что она никогда больше никуда съ нимъ не поѣдетъ. Впослѣдствіи этотъ самый Ефимъ, пользуясь слабѣющей памятью своей барыни, сталъ по два раза въ мѣсяцъ приходить за жалованьемъ.

— Да я, кажется, ужъ тебѣ отдала,—замѣчала бабушка.

— Никакъ нѣтъ-съ, вы изволите ошибаться, — нагло возражалъ онъ.

Его примѣру стали слѣдовать и другіе. Я была однажды свидѣтельницей такой сцены и передала объ этомъ отцу. Въ то время, завѣдуя Вороновымъ, онъ ежемѣсячно долженъ былъ выдавать матери деньги на расходы по дому, но денегъ этихъ не хватало, и тогда отецъ взялъ всѣ эти расходы на себя, платилъ за столъ людямъ, а матери своей выдавалъ каждый мѣсяцъ на личныя ея нужды тысячу рублей. Но деньги исчезали у нея съ непостижимой быстротой даже и тогда, когда аббаты перестали къ ней ходить. Тогда отецъ придумалъ такую штуку: вмѣсто тысячи рублей, онъ началъ выдавать матери каждое первое число только полтораста, но серебряными рублями, и бабушка осталась этимъ очень довольна. Намѣненная на рубли сумма казалась ей огромной. Но тутъ геніальный Ефимъ выказалъ еще большую изобрѣтательность: онъ кралъ у нея молитвенникъ и продавалъ ей его за рубль, а она хвалила его намъ:

— Какой догадливый Ефимъ, увидалъ на улицѣ, что продаютъ французскій молитвенникъ, и принесъ мнѣ показать! Хорошее изданіе, переплетъ почти новый и не дорого, я купила.

— Бабушка, да это вашъ молитвенникъ!—восклицали мы.

Но ее это сердило, и она намъ не вѣрила. Напрасно отецъ дѣлалъ Ефиму выговоры за мошенничество, негодяй зналъ, что бабушка любитъ его за душевную красоту, и надъ укоризнами нагло смѣялся. Продолжалъ онъ такимъ образомъ мошенничать до самой смерти своей госпожи.

Вотъ въ какой обстановкѣ прожила бабушка почти полстолѣтія, безъ друзей и безъ общества. Политикой она не занималась, Россіей не интересовалась, а человѣчествомъ и подавно. Рамки своей собственной жизни она постоянно суживала и прозябала, занятая исключительно одной заботой, какъ бы невзначай не попасть въ адъ.

Наше вторичое вторженіе въ ея сухую и скучную жизнь внесло въ нее своеобразное оживленіе и интересъ. Нелюбимые ею, мы все-таки были занятнѣе окружавшихъ ее и обезличенныхъ ею автоматовъ. Любить она могла только Сегюровъ, но ненавидѣть могла многихъ, а тутъ подъ рукой очутилась непокорная невѣстка, трое

внуковъ, воспитанныхъ въ ненавистномъ православномъ духѣ, и бабушка оживилась. Я сказала выше, что отецъ нашъ, столь строптивый и со всѣми необузданный, былъ самымъ покорнымъ и почтительнымъ сыномъ, и этимъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ искупилъ грѣхи своей молодости. Ежедневно проводилъ онъ у матери довольно продолжительное время, гулялъ съ нею и бесѣдовалъ о домашнихъ. Что говорила она ему про жену и дѣтей,—не знаю, но помню, что послѣ этихъ разговоровъ онъ являлся къ намъ всегда озлобленный.

Оканчивая эту главу, я замѣчаю, что забыла упомянуть о самыхъ близкихъ для бабушки существахъ, объ ея попугаяхъ. Это—непростительная ошибка: послѣ Сегюровъ первое мѣсто въ ея сердцѣ занимали попугаи. И какъ это понятно! Попугай, птица безъ сердца, безъ способности привязываться за ласки и заботы, существо сухое, холодное, естественно занялъ мѣсто кошки или собаки въ этомъ сухомъ сердцѣ, не признающемъ плодотворнаго дѣйствія ласкъ. У нея ихъ было нѣсколько паръ. Я помню Заиру, Азико, отвратительнаго Пузана, который рвалъ наши платья, впивался въ икры мужчинъ и однажды посягнулъ даже на самого Ефима, вырвавъ у него цѣлый кусокъ мяса изъ тѣла. Пришлось посадить его на цѣпь. Притаится, бывало, гдѣ нибудь, забывшись пройдешь мимо него, тотчасъ же налетитъ и вцѣпится, а жаловаться нельзя: бабушка увѣряла, что на ея милаго шалуна постоянно клевещутъ.

Но главнымъ ея любимцемъ былъ огромный, съ аршинъ ростомъ и съ ярко красным хохломъ, Патапъ. Этотъ былъ не золъ, но замѣчательно глупъ. Онъ могъ качаться по нѣскольку часовъ сряду, приговаривая: «Пата-пата-патаповичъ-патаповъ», и это монотонное гортанное причитываніе услаждало слухъ его владѣтельницы слаще всякихъ человѣческихъ рѣчей. Весною всѣхъ птицъ выносили на стеклянную галлерею, и тутъ, опьяненный солнцемъ и воздухомъ, неугомонный Патапъ такъ громко выкрикивалъ свое патапство, что выведенные изъ терпѣнія сосѣди подали жалобу начальству на причиняемое имъ безпокойство. Распоряженіемъ полиціи пристыженный попугай былъ водворенъ обратно въ домъ, съ воспрещеніемъ выносить его на воздухъ. Судьба какъ бы мстила бабушкѣ за жестокость ея относительно друзей ея покойнаго мужа и вмѣсто изгнаннаго Брокера осуждала ее на постоянное жительство подъ одной кровлей съ шумнымъ Патапомъ. Какъ бы тамъ ни было, но она этимъ ужасно огорчилась и оскорбилась. Любимцы ея безнаказанно все грызли и пачкали въ комнатахъ, портили книги, мебель, даже аналой съ молитвенникомъ и лежавшую передъ нимъ, для колѣнопреклоненія подушку святотатственно оскверняли. Въ бытность нашу въ Римѣ, мать наша представлялась папѣ Пію IX, только что вступившему тогда на престолъ, и онъ пожаловалъ ей,

для передачи бабушкѣ, четки изъ рѣзного кипариснаго дерева, благословленныя имъ in articulum mortis, то-есть обладающія драгоцѣннымъ даромъ отпущенія грѣховъ при смертномъ часѣ того человѣка, на котораго онѣ будутъ надѣты. О, какъ счастлива была бы бабушка, если бъ получила эти четки не черезъ ненавистную свою невѣстку! Но въ данномъ случаѣ ненависть къ мадамъ Едокси (какъ называла бабушка нашу мать) взяла верхъ даже надъ уваженіемъ ея къ главѣ католичества, и однажды, войдя къ ней въ комнату, я увидала слѣдующую сцену: отвратительный Пузанъ, опираясь одной лапой на аналой, держалъ въ другой святыя четки и кощунственно ихъ обгрызывалъ, бабушка же, лежа на диванѣ, умильно глядѣла на своего любимца...

Былъ у нея еще столѣтній скворецъ, зеленый съ краснымъ хохолкомъ. Когда онъ совсѣмъ состарился, и перья у него облѣзли, бабушка его возненавидѣла и, чтобъ скорѣе его уморить, приказала выставить его клѣтку въ коридоръ на сквозной вѣтеръ. Сжалившись надъ бѣдной старой птицей, ёжившейся отъ холода, мать наша пріютила ее у себя. Со временемъ та же участь постигла и Патапа: провинился ли онъ передъ нею какъ нибудь особенно, или просто надоѣлъ, такъ или иначе, но бабушка и его возненавидѣла. Патапъ былъ изгнанъ и нашелъ пріютъ у насъ. И вдругъ, о чудо! Патапъ, до сихъ поръ считавшійся самцомъ, снесъ яйцо! Тутъ ужъ мать моя не вытерпѣла и сострила насчетъ своей свекрови: «Моя свекровь такъ зла,—сказала она,—что она дѣлаетъ безплодными животныхъ». («Ma belle mère est si méchante qu'elle sterilise les animaux»).

Кромѣ попугаевъ, у бабушки стояла огромная клѣтка со множествомъ прехорошенькихъ птичекъ, но подъ конецъ бабушка возненавидѣла и ихъ; она впустила въ клѣтку молодого ястреба, который всѣмъ имъ перегрызъ головки, чтобъ высосать изъ нихъ мозгъ. Бабушка очень къ нему пристрастилась, и когда всѣ рѣдкія птички, изъ которыхъ многія были вывезены издалека, были истреблены имъ, она приказывала ловить воробьевъ и отдавала ему ихъ на съѣденіе. Наконецъ крылатаго злодѣя кто-то догадался убить.

Попугаи бабушкины были всѣ бѣлые. Однажды, вернувшись изъ Воронова, мы были изумлены, увидавъ цѣлую коллекцію птицъ всевозможныхъ цвѣтовъ: желтыя, свѣтло сѣрыя, ярко красныя. Это бабушка ихъ всѣхъ выкрасила, и производить эту операцію ей такъ понравилось, что она и въ Вороновѣ перекрашивала въ разные цвѣта простыхъ птицъ, чѣмъ приводила въ неописанное изумленіе являвшихся къ ней на поклонъ мужиковъ, которымъ она выносила на показъ преображенныхъ такимъ образомъ птицъ.

XIII.

Болѣзнь нашей матери.—Докторъ Летуновъ.—Праздникъ у Закревскихъ.—Докторъ Николаевъ.—Иноземцевъ и Оверъ.—Отношеніе графини Ростопчиной къ страданіямъ невѣстки.—Посѣщеніе митрополита Филарета.—Послѣдніе дни нашей матери.—Ея кончина.—Похороны.

Въ 1857 году наша бѣдная мать почувствовала первыя проявленія страшнаго недуга, сведшаго ее въ могилу. Надо къ этому прибавить, что до этого она уже года два какъ оставалась безъ медицинской помощи, вслѣдствіе того, что ни у одного доктора не хотѣла лѣчиться, кромѣ Николая Ивановича Летунова, который самъ былъ боленъ. Весь 1857 годъ мать наша страдала, хотя и продолжала выѣзжать и принимать у себя. Мы уговорили ее снять съ себя портретъ дагеротипомъ, и во время сеанса съ нею сдѣлался припадокъ такой мучительной боли, что портретъ вышелъ съ болѣзненной гримасой. И вотъ, подъ злобное шипѣніе клеветниковъ и завистниковъ ея выдающагося таланта, началась медленная и мучительная агонія этого богато одареннаго существа, вся жизнь котораго была посвящена добру, любви къ ближнимъ и поклоненію красотѣ и правдѣ во всѣхъ ея видахъ.

Лѣто мы жили по обыкновенію въ Вороновѣ. Имѣніе это находится неподалеку отъ знаменитаго села Иванова, воспѣтаго Маркевичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ». Въ день св. Аграфены мы туда поѣхали съ мамой на именины владѣлицы, супруги генералъ-губернатора Закревскаго. Я живо помню, какъ въ этотъ день графиня Закревская въ бѣломъ прозрачномъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на сорочку, стоя у окна и глядя на подъѣзжавшій съ новыми гостями экипажъ, сказала: «Еще новый ротъ, который надо накормить». («Encore une bouche à nourrir»).

Между гостями былъ извѣстный докторъ Николаевъ. Онъ сидѣлъ за столомъ противъ нашей матери и послѣ обѣда сказалъ тетушкѣ Александрѣ Ивановнѣ Пашковой: «Предупредите графа Андрея, что супруга его опасно больна; у нея всѣ признаки рака». Испуганная тетушка поспѣшила исполнить данное ей порученіе, и отецъ нашъ тѣмъ болѣе испугался, что фельдшеръ нашей больницы уже предупреждалъ его, что у графини какая-то сложная и опасная болѣзнь. Мы немедленно переѣхали въ Москву, гдѣ въ то время двѣ медицинскія знаменитости, Иноземцевъ и Оверъ, соперничали между собою въ талантѣ и симпатіи публики. Сначала нашу мать лѣчилъ Оверъ, красивый старикъ съ мягкими манерами и ласковымъ обращеніемъ. Кажется, онъ предупредилъ отца, что положеніе его жены безнадежно, отъ насъ же это скрывали, и мы даже не знали, какою болѣзнью страдаетъ мать. Оверъ съ докторомъ Николаевымъ, служившимъ ему ассистентомъ, давали больной успокоительныя средства, надѣясь довести ее до конца безъ

особыхъ страданій. Но тутъ вмѣшались родственники и друзья. Посыпались совѣты, рекомендаціи «чудныхъ» докторовъ, присылки чудодѣйственныхъ рецептовъ со всѣхъ концовъ Россіи, отъ частныхъ лицъ, изъ монастырей. Кто-то указалъ на Иноземцева, какъ на единственнаго человѣка, могущаго спасти дорогую больную, и на несчастье созвали консиліумъ, на которомъ послѣ продолжительнаго и мучительнаго изслѣдованія состоялось совѣщаніе въ гостиной, и вынесенъ былъ приговоръ съѣхавшейся со всѣхъ концовъ города роднѣ. Мама была еще на ногахъ. Это было 25-е октября, день моего рожденія, мнѣ минуло двадцать лѣтъ, и мама легла въ первый разъ днемъ въ постель, чтобъ ужъ болѣе не вставать. Вечеромъ этого дня пріѣзжая оперная труппа давала «Сонамбулу». Мама послала за ложей и подарила ее мнѣ со словами: «Бланшета, извини и не огорчайся, если я лягу, мнѣ не хорошо, но къ вечеру я встану и поѣду съ вами въ театръ». Увы, вечеромъ мы поѣхали въ театръ съ Mainté, а на другой день дѣдушка Николай Васильевичъ, со свойственной ему грубостью, сдѣлалъ намъ строгій выговоръ за то, что мы позволяемъ себѣ ѣздить по театрамъ, когда мать наша умираетъ отъ рака.

Такимъ образомъ узнали мы о предстоящемъ намъ несчастіи. Я помню, какъ доктора, шумно споря между собою, пошли къ отцу, гдѣ Иноземцевъ объявилъ, что есть еще надежда, тогда какъ всѣ прочіе утверждали противное. Какъ же было не поручить больную его попеченіямъ? Такъ и сдѣлали. Говорятъ, что, обращаясь къ сопернику своему Оверу, онъ сказалъ: «Къ Рождеству графиня Евдокія Петровна выѣдетъ кататься». — «Да, — возразилъ Оверъ, схватывая шляпу, — къ Рождеству графиня выѣдетъ... ногами впередъ».

Началось новое лѣченіе, Эмскими водами, причинявшее больной такія острыя боли, что крики ея раздавались по всему дому. Въ то время для утоленія болей существовалъ только опіумъ, о благодѣтельныхъ вспрыскиваніяхъ морфіемъ не имѣли понятія, и бѣдная наша мать терзалась невыразимо.

Въ то время въ Петербургѣ находился знаменитый спиритъ Юмъ. Обратились къ нему, но онъ отвѣтилъ, что болѣзнь зашла слишкомъ далеко, и что онъ помочь не можетъ.

И по мѣрѣ того, какъ тѣло ея истощалось страданіями и голодомъ (она уже ничего не могла ѣсть), душа ея очищалась отъ всего земного и грѣховнаго, и понявъ, что смерть близка, она стала къ ней готовиться съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью. Всегда почитая митрополита Филарета, она просила его друга, Н. В. Сушкова, передать ему ея просьбу помолиться за нее, и онъ прислалъ ей свое благословеніе. Насъ она посылала къ Иверской Богородицѣ ставить за нее свѣчи и молиться, наконецъ пожелала приложиться къ иконѣ, которую ей и привезли, при великомъ стеченіи народа.

Увидавъ эту толпу на дворѣ нашего дома, бабушка (отъ которой скрывали опасное положеніе невѣстки, и которая не хотѣла вѣрить ея страданіямъ и продолжала надъ нею издѣваться) спросила: что это значитъ? Ей отвѣчали, что молодой графинѣ стало хуже, и что она пожелала помолиться передъ чудотворной иконой. Бабушка съ гнѣвомъ и презрѣніемъ сказала: «Развѣ она полагаетъ, что этотъ кусокъ дерева ее исцѣлитъ?»

Въ Москвѣ жила одна набожная особа, кажется, Новосильцева, тоже больная и пользовавшаяся милостивымъ вниманіемъ митрополита Филарета. Ей приснилось, что онъ къ ней вошелъ, благословилъ ее и сказалъ: «я теперь пойду къ такой же страдалицѣ, какъ и ты, къ графинѣ Ростопчиной». И точно, въ тотъ же день и въ ту же минуту, дежурившая у постели мамы, Mainté, вдругъ увидѣла, что маменька приподнимается съ просвѣтленнымъ лицомъ, что-то проговорила, низко наклоняя голову, а затѣмъ громко вскричала: «Да провожайте же! Провожайте!»—«Кого?»—спросила Mainté.—«Митрополита Филарета,онъ сейчасъ у меня былъ и благословилъ меня». Впослѣдствіи Н. В. Сушковъ спросилъ у митрополита, помнитъ ли, что онъ дѣлалъ въ такой-то день и часъ. «Помню, я былъ въ молельнѣ и молился за вашу племянницу и за Новосильцеву».

За три дня передъ смертью началась агонія, въ продолженіе которой насъ уже не впускали въ ея комнату. Передъ тѣмъ, она еще разъ причащалась и со всѣми нами и домашними прощалась. Начался бредъ. Но утромъ третьяго декабря больная такъ явственно сказала: «Прикажите заложить карету и ѣхать на вокзалъ за моимъ братомъ Дмитріемъ Петровичемъ», что, невзирая на то, что Дмитрій Петровичъ былъ въ Парижѣ, приказаніе умирающей исполнили, и карета поѣхала на вокзалъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда она вернулась назадъ съ пріѣхавшимъ изъ-за границы Дмитріемъ Петровичемъ!

Онъ уѣхалъ въ Москву, никого не предупредивши. Свидѣтелями такой чудесной прозорливости умирающей было нѣсколько человѣкъ, и фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о просвѣтленіи души, очищенной страданіями отъ грѣховъ.

Вечеромъ того же дня она скончалась, сорока семи лѣтъ, во всемъ блескѣ возмужавшаго ума и таланта, оплакиваемая всѣми, кто ее зналъ.

Для успокоенія бабушки, отъ которой продолжали скрывать ея смерть, какъ скрывали ея болѣзнь, тѣло ея не было перенесено внизъ, и желавшіе ему поклониться, а такихъ было очень много, должны были пробираться на верхъ по узкой и крутой лѣстницѣ, черезъ узкій коридоръ.

Отпѣваніе происходило въ нашей приходской церкви, имѣющей видъ корабля, въ нижнемъ придѣлѣ. Какъ сквозь сонъ, помню я

толпу, шествующую за гробомъ, который несли ближніе родные, друзья и студенты университета, просившіе объ этомъ, какъ о милости. Какая-то духовная особа сказала рѣчь. Говорили ли другіе—не помню, о томъ, что происходило въ моей душѣ, не хочу и не могу распространяться. Шествіе потянулось къ кладбищу. Была зима, снѣгъ сверкалъ подъ лучами солнца, окутывая кладбище серебристой пеленой. Все было дѣвственно чисто, и земля, и небо, и воздухъ. Она любила воспѣвать красоту, и красота окружала ея послѣднее пребываніе на землѣ.

XIV.

Какъ отнеслась бабушка къ смерти невѣстки. — Урокъ ей внучки. — Послѣдніе дни супруги Ѳ. В. Ростопчина. — Кончина. — Нѣсколько словъ о «Правдѣ о московскомъ пожарѣ».—Гатчинская, Вороновская и Парижская Екатерина Петровна.

Мы вернулись въ осиротѣлый домъ, гдѣ не было уже больше для насъ ни любви, ни ласкъ, ни всего того, что такъ крѣпко связываетъ сердце матери съ сердцами дѣтей.

Намъ даже нельзя было предаваться нашей печали: надо было играть комедію передъ бабушкой. Она не знала о нашей потерѣ и холодно спрашивала у насъ про здоровье нашей матери. О причинахъ продолжительнаго нездоровья невѣстки въ померкшемъ ея умѣ сложилось нѣчто отвратительное. Не могла она думать хорошо ни о комъ, кромѣ аббатовъ и Сегюровъ. Бабушка довѣрила часть своихъ догадокъ нашей Maintė, и наша добрая француженка ужаснулась и, забывъ предостереженія нашего отца, вскричала съ негодованіемъ: «Графиня, вы клевещете на мертвую!»—«Какъ? Развѣ она умерла? Почему же мнѣ про это не сказали?»—«Графъ опасался, чтобъ извѣстіе это не подѣйствовало на ваше здоровье».

Когда мы пришли вечеромъ къ томительному чаепитію, бабушка была молчалива. Сказала ли она намъ что нибудь о смерти матери, не помню, но, когда вошелъ нашъ отецъ, она проговорила голосомъ, въ которомъ звучало нѣчто, если не грустное, то болѣе человѣчное, чѣмъ то, что мы отъ нея всегда привыкли слышать: «Андрей, я знаю, мнѣ сказали»... И это было все.

Нѣсколько дней она насъ щадила и сдерживала свою радость, но затѣмъ сдержанность ей измѣнила, и, улыбаясь злой усмѣшкой, она намъ объявила, что теперь отецъ нашъ свободенъ и непремѣнно скоро женится на строгой особѣ, «которая по баламъ и вечерамъ таскать насъ не станетъ, какъ «та»... и постарается исправить наше воспитаніе»... И надо было видѣть, какою ехидною радостью сверкали ея глаза, когда она произносила эти жестокія слова!

Она была тогда уже невмѣняема и впадала въ дѣтство, умъ ея померкъ, но старость не укротила ея злости. Не смягчала ея и покорность, съ которою мы выслушивали по цѣлымъ днямъ ея

нападки на нашу дорогую покойницу и ехидные намеки на ту, которая, по ея мнѣнію, непремѣнно должна будетъ ее замѣнить. Съ злораднымъ наслажденіемъ не уставала она распространяться о томъ, что намъ предстояло вытерпѣть отъ нашей будущей мачехи, какъ она насъ будетъ бить и всячески тиранить, и какъ это случится скоро, много скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, до истеченія шести недѣль... Наконецъ, я не выдержала и, выслушавъ ея рѣчь до конца, положила работу, поднялась съ мѣста и, глядя ей прямо въ глаза, съ отчаянною рѣшимостью спросила: «Бабушка, вы находите приличнымъ, чтобъ отецъ нашъ женился такъ скоро послѣ смерти нашей матери, но позвольте узнать, имѣлъ ли бы дѣдушка право также скоро жениться на другой женщинѣ, если бы такъ случилось, что вы умерли бы раньше его?»

Это было высказано среди гробового молчанія всего женскаго общества, окружавшаго постоянно бабушку и съ трепетомъ ожидавшаго грозу за такія небывало дерзкія слова.

Невозможно передать ея изумленія, когда безгласное существо, которое она привыкла безнаказанно попирать ногами, вдругъ заговорило! Тутъ было бы ей кстати вспомнить про Валаамскую ослицу. Не знаю, вспомнила ли она про нее, но, оглянувъ меня съ ногъ до головы недоумѣвающимъ взглядомъ, она нерѣшительно вымолвила: «Не знаю... не думаю»...

— А я думаю, бабушка, что дѣдушка такъ обрадовался бы вашей смерти, что, не дождавшись и девяти дней, взялъ бы себѣ въ жены особу подобрѣе васъ,—продолжала я, внѣ себя отъ возбужденія и счастья, что могу отомстить за поруганную память матери.

Она вздрогнула, и ея большіе выразительные глаза вонзились въ меня сверкающимъ отъ негодованія взглядомъ. Поняла ли она, что зашла слишкомъ далеко, и почувствовала ли угрызенія совѣсти,—не знаю, но она не проронила ни слова, потупилась надъ работой, и вечеръ прошелъ въ неловкомъ молчаніи.

Не помню также, чтобъ мнѣ досталось за мои дерзкія слова, но должна сказать, что съ этихъ поръ бабушка не упоминала больше въ нашемъ присутствіи ни про нашу мать, ни про вторичный бракъ нашего отца. Скажу больше: вмѣстѣ со страхомъ ко мнѣ въ ней проснулось нѣчто, похожее на любовь къ дерзкой внучкѣ, осмѣлившейся выразить ей правду; съ этого дня она стала обращаться со мною человѣчнѣе, ей было пріятно, когда я прохаживалась съ нею по комнатамъ, а когда она отказывалась принимать предписанное докторомъ лѣкарство или выпить лишнюю чашку бульона, ея приживалки посылали за мною, и изъ моихъ рукъ она все принимала безпрекословно.

Впрочемъ, власть ея надъ нами продолжалась не долго: весною отецъ повезъ насъ за границу лѣчиться отъ разстройства нервовъ,

выразившагося особенно сильно у моей сестры. За послѣднее время пошатнулось и здоровье бабушки, память ея ослабѣла до такой степени, что по временамъ она насъ не узнавала и, считая насъ ровесницами давно умершей дочери, жалѣла, что она не можетъ раздѣлять съ нами наши забавы. А по мѣрѣ того, какъ усиливалась ея слабость и безпомощность, я дѣлалась къ ней снисходительнѣе и многое ей прощала.

Ей не сказали, что мы въ Россію болѣе не вернемся изъ-за границы. Лѣто послѣ нашего отъѣзда должна была провести съ нею дочь ея Нарышкина; но тутъ случился инцидентъ, ускорившій ея смерть: она терпѣть не могла чтобъ ее поддерживали, когда она прохаживалась по комнатамъ, а между тѣмъ ноги ея становились со дня на день слабѣе, и она всегда требовала, чтобъ полы натирали до скользкости, и вотъ однажды, во время обычной своей прогулки, она поскользнулась на паркетѣ и упала. Подать ей немедленную помощь не могли, потому что двери были заперты, и когда наконецъ догадались сломать замокъ, то нашли ее безъ чувствъ, со сломанной ключицей. Съ этого дня она уже болѣе не поднималась съ кровати, и силы ея начали быстро падать. Оставивъ насъ за границей, отецъ нашъ, при первомъ извѣстіи о болѣзни матери, поскакалъ въ Москву, но бабушка его уже не узнала, называла его Теодоромъ, принимая вѣроятно, за покойнаго мужа, и нѣжно гладила по головѣ. Образъ умершаго супруга ожилъ въ ея памяти. Помирилась ли она съ нимъ душою? Сознала ли она сердцемъ грѣховность и жестокость своего фанатизма,—это осталось тайной. Причащалась она уже въ безсознательномъ состояніи и тихо скончалась 14-го сентября 1859 года.

Похоронили ее на католическомъ кладбищѣ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ за границей, я вернулась въ Москву, и отецъ повезъ меня на могилу матери, на которой мы съ нимъ и помолились о ней.

Считаю долгомъ прибавить, что теперь, когда я сама старуха и близка къ смерти, я отношусь къ личности Екатерины Петровны Ростопчиной безпристрастно. Она представляется мнѣ крайне интереснымъ историческимъ типомъ отжившей эпохи. Написала я мои воспоминанія о ней потому, что задумала написать біографію моего дѣда, говоря же про него, нельзя не коснуться его жены и вообще его семейной жизни. Не будь онъ такимъ нѣжнымъ семьяниномъ, не люби онъ первые годы такъ горячо свою супругу, личность этой женщины осталась бы въ тѣни, но невозможно представить себѣ его домашнюю обстановку безъ той, которая сначала украшала ее, а потомъ отравляла. Оставайся Екатерина Петровна истинною подругою души и ума своего мужа, дѣлившаго съ нею всѣ свои помыслы и порывы, развѣ онъ стремился бы такъ страстно въ Москву изъ Парижа, гдѣ ему во всѣхъ отношеніяхъ такъ хо-

рошо жилось, гдѣ у него было столько пищи для ума, и гдѣ можно ему было забывать горькія разочарованія, гоненія и клеветы, которымъ онъ подвергался на родинѣ послѣ 1812-го года? Но при возрастающемъ духовномъ разладѣ съ женой одиночество на чужбинѣ такъ сильно угнетало его, что его, потянуло къ старымъ друзьямъ, оставленнымъ въ Россіи, ему захотѣлось согрѣть скорбную свою душу сближеніемъ съ русскими сердцами, съ русскимъ духомъ. А между тѣмъ онъ получалъ изъ этой пламенно любимой родины анонимныя письма, полныя ругательствъ и угрозъ, какъ поджигатель Москвы и какъ виновникъ разоренія многихъ. И вотъ, убѣждаясь все болѣе и болѣе, что геройскій его поступокъ не понятъ современниками и даже отчаяваясь чтобъ онъ могъ быть когда нибудь понятъ и будущими поколѣніями, сомнѣваяся даже, можетъ быть, въ минуты отчаянія въ великомъ значеніи поступка, на который онъ рѣшился, какъ патріотъ, ставящій честь своей родины превыше всего на свѣтѣ, истерзанный одиночествомъ, нравственными и тѣлесными страданіями, до изступленія раздраженный какимъ нибудь новымъ письмомъ, оказавшимся каплей, переполнившей чашу его мученій, а, можетъ быть, желая оградить свою семью отъ нападокъ и обидъ слѣпой толпы, онъ схватилъ перо и написалъ свою позорную «Правду о пожарѣ Москвы».

Оставайся его жена такою, какая она была раньше, до перехода въ католичество, развѣ она допустила бы его до отреченія отъ славнаго и безсмертнаго дѣянія? до опубликованія того, что, увы, было не «правдой», а ложью, клеветой на себя? Но въ томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ она тогда находилась, именно такая клевета на себя ея мужа и была ей на руку, отвѣчала потребности ея, затемненной новою религіею, души и желаніямъ ея совратителей. Опять повторяю, онъ былъ совсѣмъ одинъ. Возлѣ него была не русская православная женщина, способная восторгаться его идеалами и понимать ихъ величіе, а напротивъ того холодная и сухая эгоистка, жившая своею отдѣльною жизнью и интересами, во всемъ враждебными его идеаламъ и интересамъ. Нельзя также не принять въ соображеніе іезуитскихъ ласкательныхъ пріемовъ которыми графиня первое время послѣ своего вѣроотступничества, пыталась вліять на оскорбленнаго ею мужа. До грубаго цинизма, высказаннаго ею въ Москвѣ при смерти дочери, она дошла постепенно, когда убѣдилась въ невозможности подѣйствовать на убѣжденія графа мягкими мѣрами, раньше же она, безъ сомнѣнія, дѣйствовала иначе и добивалась цѣли ласками и притворною покорностью всѣмъ его желаніямъ, и хотя ужъ и тогда общаго въ ихъ мысляхъ, чувствахъ и убѣжденіяхъ ничего не было, тѣмъ не менѣе «Правда» была написана и напечатана. Надо и то сказать, что отличительною чертою характера моего дяди была необузданная пылкость, и что дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты

было для него часто непреодолимою потребностью. Я унаслѣдовала отъ него это свойство и знаю по опыту, какъ мнѣ трудно съ нимъ бороться. Надо вспомнить его письма, часто до дерзости откровенныя и рѣзкія, къ императору Александру I, къ Кутузову и къ другимъ, не говоря уже о вышеприведенномъ письмѣ къ императору Павлу, чтобъ понять, что въ данномъ случаѣ онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Пожалѣлъ ли онъ впослѣдствіи о содѣянномъ опрометчивомъ поступкѣ—не знаю, но его глубокое, ничѣмъ не возмутимое молчаніе на письма и воззванія маркиза де-Шамбре и Бутурлина заставляетъ предполагать, что онъ съ умысломъ отстранялъ отъ себя все, что могло пролить свѣтъ на истинную причину московскаго пожара. Надѣюсь изслѣдовать вопросъ этотъ глубже въ его біографіи и по возможности его выяснить.

Не скрою, что цѣлью всего мною выше сказаннаго про мою бабушку было показать, что она имѣла пагубное вліяніе на своего мужа, вліяніе активное и пассивное, и что послѣднее было даже сильнѣе перваго, и вотъ почему въ умѣ моемъ и сложилось заглавіе «Правда о моей бабушкѣ», какъ откликъ всего того, что я перестрадала, читая и слыша отзывы на всѣхъ языкахъ о «Правдѣ» моего дѣда.

Графиня Л. А. Ростопчина.

